

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Якушкиной Екатерины Ивановны на тему:

«Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география» по специальности 10.02.03 – «славянские языки»

Представленная на соискание докторской степени диссертационная работа Е.И.Якушкиной посвящена анализу сербскохорватской лексики в трех аспектах: семантики, этнолингвистики и лингвогеографии. Следует признать, что эти аспекты соответствуют актуальным для современной славистики направлениям лексикологических и лексикографических исследований. Разработка сербскохорватской лексики по этим направлениям тем более актуальна, что продолжает и развивает традиции исследований по этим направлениям на материале славянского языка с весьма сложной историей, языковым окружением и при этом весьма почтенной традицией историколингвистического изучения, изначально включившей сербскохорватские исследования в общее русло славистики.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения (материалов анкетирования и экспедиций), библиографии (списка источников и литературы).

Введение является очень содержательным обзором лексикологических исследований сербскохорватской лексики в направлениях сравнительной лексикологии, семантики, этнолингвистики и лингвогеографии, при характерном для современной славистики базировании на обширном диалектном материале. Этот обзор можно было бы, кажется, расширить только за счет указания многочисленных публикаций в различных периодических славистических изданиях и докладов на научных конференциях. Обзор результатов публикаций является в диссертации базой для определения актуальных задач изучения сербскохорватской лексики:

семантическое, сопоставительное (в отношении как отдельных лексем, так и целых этимологических гнезд), этнолингвистическое – на фоне и в связи с лексикой других славянских языков и лингвогеографическое, с включением исследования роли лексических заимствований. Соответственно этим задачам используются методы сопоставительного, семантического, этнолингвистического и лингвогеографического анализа.

Первая глава диссертации «Сравнительно-лексикологический анализ сербскохорватской лексики» содержит семантическое исследование сербскохорватской лексики в нескольких объемах: рассматриваются синонимические этимологические гнезда, синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения.

Раздел «Синонимия этимологических гнезд» вызывает некоторые сомнения по самой формулировке. Как справедливо отмечает автор (стр.19), в практике праславянской этимологической лексикографии отсутствует традиция реконструкции первичной семантики этимологических гнезд и даже их производящих основ, не говоря уже об определении семантических сфер, очерченных лексическим составом каждого гнезда на праславянском уровне. При группировке этимологических гнезд как синонимичных (особенно гнезд с семантикой кривизны) автор вынужденно опирается на определенную выборку семантики входящих в состав гнезд лексем различных славянских языков. Соответственно определение этимологических гнезд как синонимичных следует принимать со значительной долей условности: например, сомнительна семантика кривизны для праслав. **grěxъ*, с его неопределенной этимологией и соответственно неясной даже первичной мотивацией; **pak-* в лексике славянских языков сохраняет в значительной степени семантику, близкую к первичной мотивации по обратному направлению; **kos-* является производным в гнезде праслав. **česati / *kositi* и семантика кривизны соответственно вторична и присуща прилагательным только части славянских языков. Лексическому материалу раздела, являющемуся объектом исследования, более соответствует формулировка

«сербскохорватская лексика в составе общеславянского лексико-семантического поля кривизны». Анализ материала осуществлен с большой тщательностью, с выделением различных семантических групп определяемых и производных имен, что является базой для определения множественных направлений донорских потенций этого поля – порождения на базе семантики кривизны значений, входящих в различные семантические сферы. Проведенный анализ подтверждает, в частности, преимущественное внимание в характеристике физического облика человека к его недостаткам и обосновывает вывод о ключевой роли противопоставления признаков ‘прямой’ – ‘кривой’ в славянской картине мира. Особое внимание обращено на сербскохорватские материалы и отражение в нем отдельных направлений семантического развития. Существен анализ участия производных от различных корней в отдельных направлениях изменений, однако не хватает соответствующего обобщения: например, только **kriv-* порождает большинство из возможных вторичных значений, **kos-* дает мотивацию только обозначениям физических недостатков, а **lōk-* – этических оценок.

Содержание раздела «Гнезда с семантикой температурного воздействия» самим автором раскрывается как «модель общеславянского лексико-семантического поля, включающего обозначения температурных процессов (**gorěti*, **vbrěti*, **prěti* и др.) и соответствующих температурных воздействий (**paliti*, **žegti*, **žariti*, **pekti*, **variti* и пр.)». Следовало бы только уточнить, что речь идет о **высоко**температурных процессах, поскольку не рассматриваются **myrz-*, **xold-* и под. Анализ материала обнаруживает чрезвычайное многообразие направлений семантического порождения, исходящего из всех представленных корней. Но если уж автор ориентируется на гнезда, то не оправдано раздельное рассмотрение **goriti*, **gorěti* и **žariti*, **vbrěti* и **variti*, **prěti* и **pariti*. Именно генетическая связь в этих группах глаголов является источником параллелизма семантики активного процесса и каузатива. Существенно развитие семантики превышения нормы, равно реализуемое как в сфере качеств, так и процессов, движения. Среди

отмеченных ответвлений вторичной семантики примечательна семантика обмана, иллюстрируемая несколькими глаголами, однако непонятно включение сюда русск. *кинуть* (стр.43), если только автор не возводит этот глагол к **кур-*, что очень сомнительно.

В 5 параграфах II раздела «Синонимия и многозначность лексем праславянского происхождения» анализируется специфика семантики сербскохорватских лексем в сравнении с генетически тождественными лексемами других славянских языков. В параграфе «Глаголы с семантикой использования» в центре внимания находятся глагол *уживати* с его инославянскими соответствиями в аспекте их участия в различении семантики использования/получения удовольствия и употребления. Из результатов анализа представляется очень существенным вывод о развитии производными от **žiti* изначальной положительной коннотации в концепт жизненного позитива, сближающем южнославянские языки с западнославянскими. Этот вывод можно было бы подкрепить и семантикой производного от **žiti* праслав. глагола **gojiti*. Последнее противоречит авторскому утверждению об «амбивалентности семантики **žiti* (жизнь как процесс приобретения и жизнь как процесс траты).» (стр.48).

Параграф «Глаголы с семантикой температурного воздействия» лишь формально близок к разделу «Гнезда с семантикой температурного воздействия», отличаясь от последнего акцентом на различении глаголов по характеру самих обозначаемых действий и состояний (опять-таки обусловленных **высокими** температурами!): обозначение глаголом **pekti* воздействия сухого тепла, что аргументируется производным **poktъ*; отличие процессов, обозначаемых глаголом **paliti*, от обозначаемых глаголом **žegti*, стихийностью, масштабностью и поверхностным воздействием (для аргументации семантики внутреннего воздействия глагола **žegti* было бы полезно привести производное **jъzgaga*). Тщательный анализ материала обнаруживает присущую лексико-семантическому полю

детализацию в отражении существенных характеристик явлений внешнего мира.

Параграф «Семантический спектр слова **zelbje*» представляет широкий ассортимент значений, определяемый важной ролью обозначаемого – растений в жизни славян (ср. и разделяемую автором, хотя и спорную, гипотезу о возникновении соответствующего цветообозначения по связи с травой). Для истории материальной культуры славян существенны различия славянских языков по обозначаемым растениям: преимущественно огородные на юго-западе и дикорастущие на северо-востоке, обозначение лекарственных и ядовитых растений в центральной и восточной Славии. Достаточно обоснована предложенная автором реконструкция первичной семантики слова **zelbje* – ‘травянистое растение’.

Параграф «Прилагательные с семантикой общей и эстетической положительной оценки» посвящен почти исключительно семантике прилагательного **lěръ*: за обобщением его значений в славянских языках «эстетическая и общая положительная оценка» следует анализ формирования семантики красоты в славянских языках и специально в литературном сербскохорватском языке; базой являются в значительной степени фольклорные и диалектные тексты и сопоставление с употреблением *добар*. Некоторые соображения автора нуждаются в уточнении: этимологическая связь с **lěpiti* означает мотивацию прилагательного не по смазыванию/ намазыванию, а по лепке, то есть формированию = форме; из нескольких авторских формулировок преобладающей семантики прилагательного наиболее соответствующей данным языка представляется выражение «идеи соответствия норме, пригодности» (стр.72), а «общая положительная оценка на основании визуального впечатления» (стр.76) слишком расплывчата (ср. пословицу: *свако лице с носем лијено* (там же), предполагающую именно соответствие норме).

Параграф «Лексические способы выражения значения ‘праздник’ в сербскохорватских говорах» по этнолингвистической насыщенности примыкает к следующей, II главе. Очень интересен анализ соотношения, сочетания и разграничения в сербскохорватской лексике (*праздник* и *светак*) семантики ‘нерабочий день (когда запрещено работать)’, ‘рабочий день’, ‘общепризнанный церковный праздник’, ‘праздник семейного святого’, что существенно для реконструкции истории духовной культуры. См. еще сохранение архаической ритуальной семантики слав. **bolgъ* в *благдан* ‘церковный праздник’ (стр. 82-83) и, с другой стороны, семантический сдвиг от церковного празднования к светскому у глагола *славити* (стр. 81).

Параграф «Глаголы с семантикой понимания» содержит исследование глубинных понятийных различий, стоящих за употреблением глагола **orzuměti*, с одной стороны, и глаголов с исходной семантикой хватания **xopiti*, **xvatiti*: это различие понимания на основе речевых навыков и понимания сущности содержания, объекта речи, ситуации, эмоций. Обосновывается вывод не только о вторичности включения в поле понимания глаголов хватания, но и весьма позднем (условно, в период позднего средневековья) вхождении в это поле **-jěti*, при активном действии процессов калькирования и межславянского заимствования. Обнаруживается наибольшее сходство ситуаций в сербскохорватском языке с чешским и словацким языками.

Завершающие I главу выводы обобщают наблюдения, характеризующие лексику сербскохорватского языка в отношении как общности семантических изменений с большинством славянских языков, так и эксклюзивных сближений с отдельными южнославянскими языками (словенским, реже с болгарским), с западнославянскими языками (особенно с чешским и словацким) и редкость сближений с русским языком; сохранение семантических архаизмов.

Глава II «Сербскохорватская лексика в этнолингвистическом освещении» содержит 2 раздела. Раздел «Синонимы в этической лексике»

посвящен толкованию основополагающих для сербскохорватской народной культуры концептов чести и совести (параграф 1) и мужества и героизма (параграф 2) и их лексическому воплощению. В разделе о концептах чести и совести это *образ, поштење, част, савест*. История лексики напрямую связывается с трансформацией концептов. Смена исконно сербского обозначения внутреннего нравственного чувства *образ* словом *част* рассматривается как отражение изменения соответствующего понятия в направлении преобладания акцента на соблюдение этических норм и правил и зависящей от него репутации.

Раздел «Сербские обозначения «мужества» и «героизма» раскрывает сущность единого концепта *чојство* и *јунаштво*, сформировавшегося довольно поздно (не отмечен ранее XIX и.), но играющего ключевую роль в народной культуре (особенно у черногорцев). Примечательно обогащение концепта мужественности и героизма способностями к прощению и самопожертвованию, что очевидно связано с перепитиями народной истории, а также отсутствие у концепта чести сословной окраски. К сожалению, автором лишь мельком упомянуто слово *понос* 'чувство собственного достоинства', которое может, кажется, претендовать на древность (ср. русск. диал. *поноситься* 'хвастаться, гордиться').

Включение в главу об этнолингвистической характеристике сербскохорватской лексики раздела II «Турцизмы как источник синонимии в сербском языке» определяется включением турцизмов в культурнозначимые лексические сферы и актуальными задачами исследования заимствований: определение роли языка-донора и языка-реципиента в формировании семантики заимствованного слова и выявление причин заимствования. Анализируются турцизмы со следующей семантикой: в лексико-семантическом поле судьбы, как обозначения упрямства, как обозначения сильного желания. В поле судьбы рассматривается соотношение сербскохорв. *срећа* и турцизмов по способности дифференцированно обозначить

различные причины, основания удачи, успеха, степень их обусловленности фатумом или качествами человека. Заимствование объясняется необходимостью структурирования поля. Особенно продуктивно оказалось заимствование турцизмов в признаковой зоне. За пределами анализа оказались, однако, семантические возможности других лексем поля (*делба, нарок*).

Потребности семантической дифференциации отразились также в истории семантического соотношения исконного *пркос* и турцизма *инат*: при общности обобщенного значения 'упрямство, сопротивление', *пркос* изначально имеет положительный ареол как отстаивание прав, свободы (последнее особенно важно для черногорцев), а *инат* обозначает дурную черту характера, стремление к конфликту и лишь окказионально наделяется положительным содержанием.

В поле сильного желания только турцизмы *мерак* и *ћеф* оказались выражением важнейшего для балканской народной культуры концепта сильного, страстного желания и полного наслаждения жизнью. И все-таки в этой части исследования недостает анализа исконных лексем, однокоренных с обозначениями желания в других славянских языках (*жеља, воља*).

Выводы, завершающие II главу, предлагают хронологизацию рассмотренных концептов; следовало бы также отметить, что проведенный анализ позволяет говорить также и об их изменениях, преобразованиях.

Глава III «Сербскохорватская лексика в ареалогическом освещении. Междиалектные синонимы в сербскохорватских говорах» содержит, прежде всего (§1), чрезвычайно существенное для общеславянской диалектологии, лексикологии и истории славянских языков обобщение результатов существующих трудов в области сербскохорватской и общеславянской лексикографии и лингвогеографии: монографий, диалектных словарей и Общеславянского лингвистического атласа. Важнейшие выводы: крайне малое количество слов, известных на всем сербскохорватском пространстве, несовпадение лексических границ с языковыми, наличие переходных зон на

границах с другими южнославянскими языками; противопоставление по направлению запад – восток с обособлением латерального пояса; выделение пяти диалектных зон: кайкавско-северночакавской, приморской, черногорской, восточносербской, центральной (центральноштокавской).

Для славистов-лексикологов очень полезна «Ареалогическая характеристика лексики словаря Вука Караджича 1818 г.» (§2): исследование выявило смешанный по диалектной принадлежности состав лексикона, соединившего лексику восточного, западного и центрального регионов.

§3. «Праславянские лексические изоглоссы в сербскохорватском ареале» представляет выборку синонимичных сербскохорватских пар, восходящих к праславянскому состоянию. Существенно преобладание случаев образования синонимии в результате семантического изменения рефлекса одного из праславянских слов (=семантического новообразования), что имеет большое значение для реконструкции истории праславянского языка. Для праславянской лексикологии эти новообразования представляют интерес в плане большего проникновения в первичную семантику измененного праславянского слова (см. **žerbьсь* и **pastuxь* ‘жеребец’, стр.194; **želqđь* и **žirь* ‘желудь’, стр.176) и реализацию нестандартных мотивационных моделей и изменений (**bacati* и **hytiti* ‘бросить’, стр. 176). Существенные наблюдения относительно использования синонимов праславянского происхождения для дифференциации денотатов вынесены в Выводы к III главе. Выделенные в работе 8 типов ареального соотношения синонимов дополняют следующие шесть параграфов III главы (§§ 4-9).

В §§ 4-9 проведен сравнительный анализ лексики сербскохорватских диалектов: западнобоснийская лексика в общесербском контексте; лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов; лексические различия староштокавских хорватских и новоштокавских сербских говоров; определено лексическое своеобразие воеводинского говора с. Господжинци, призренско-тимокских говоров и славонского говора с. Сиче. Каждый говор характеризуется по лексическому соотношению с

литературным языком, наличию архаизмов, заимствований и эксклюзивных лексем. Представляется, что из сопоставляемых слов следовало выделить словообразовательные варианты как менее доказательные (см. **jarьсь* - **jaruňь*, стр.194; *усница* – *усна*, стр.228; *крт* – *кртина*, стр.246 и др.).

Завершающие III главу «Выводы» содержат итоговый анализ диалектной дифференциации как лексики праславянского происхождения, так и новообразований. Существенны наблюдения относительно использования как парных синонимов праславянского происхождения, так и пар смешанных (праславянской и собственно сербскохорв. лексем) для дифференциации видов обозначаемых, но все-таки их следовало бы рассматривать как два разных типа (ср. **cěsta* - **pъть* и **boršъno* - **mъka* - **mel'a*, стр. 248), поскольку существенны сохранение или потеря праславянского слова в диалекте, равно как и условия его сохранения. Сформулировано итоговое определение диалектного членения сербскохорватской языковой территории по данным лексики: разделение на западный и восточный ареалы (по боснийско-хорватской границе, по территории Боснии, по боснийско-сербской границе или несколько восточнее) и центральный и периферийный (кайкавские, чакавские, зетско-сеницкие и призренско-тимокские говоры), при частичном наложении характеристик центрального и западного, как и западного и периферийного. Большая сохранность архаизмов в западном и периферийном ареалах. Выделена роль лексических заимствований из разных языков в диалектной дифференциации.

Результатом анализа диалектной лексической дифференциации являются лексические характеристики трех групп диалектов (западнобоснийских, призренско-тимокских и воеводинских), которые логичнее было бы представить в конце III главы (в авторском тексте они заканчивают «Заключение», завершающее диссертационное исследование и в целом объединяющее обоснованные в трех главах выводы).

Обращаясь к общей оценке представленного в диссертационной работе Е.И.Якушкиной исследования сербскохорватской лексики на

общеславянском фоне в семантическом (с включением этнолингвистического) и ареологическом аспектах, следует признать актуальность поставленных автором задач для славистики в целом и для сербокроатистики и соответствие исследования этим задачам, тщательную проработку решений на большом диалектном материале (в том числе собранном автором, см. Приложение, имеющее самостоятельную ценность как лексический источник) и большую научную ценность полученных результатов: определение соответствия семантических изменений сербскохорватской лексики процессам, характерным для других славянских языков, и степени сербскохорватской обособленности, места праславянского лексического наследия в сербскохорватской лексической системе, историко-лингвистическая реконструкция содержания, формирования и лексического выражения этнолингвистических концептов сербскохорватской культуры, лексическое обоснование диалектного членения сербскохорватской языковой территории с определением характера междиалектных соотношений в лексике, лексическая характеристика трех периферийных диалектных групп. Отмеченные результаты являются значительным вкладом в сербокроатику, демонстрируя перспективность семантического, этнолингвистического и лингвогеографического изучения сербскохорватского языка, а также в праславянскую лексикологию, славянскую этнолингвистику и реконструкцию истории праславянского языка и славянской культуры.

Сделанные в ходе анализа диссертационной работы критические замечания не имеют принципиального характера и не отменяют высокой оценки работы.

Авторские публикации по теме диссертации достаточно полно отражают проблематику, методику исследования и результаты диссертационной работы.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание работы соответствует паспорту специальности 10.02.03 –

«славянские языки» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Е.И.Якушкина заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.03 – «славянские языки».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,

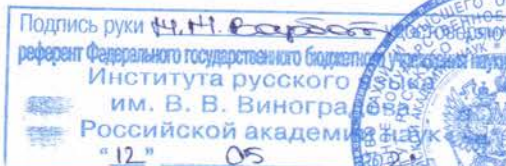
главный научный сотрудник,

заведующая отделом этимологии и ономастики

ФГБУН «Институт русского языка им. В.В.Виноградова»

Варбот Жанна Жановна

12 мая 2021 г.

М. Варбот

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.02.19 – «теория языка»

Адрес места работы:

ФГБУН «Институт русского языка им. В.В.Виноградова»

119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2.

Тел.: +7 (495) 695-26-84, e-mail: zhannavarbot@yandex.ru